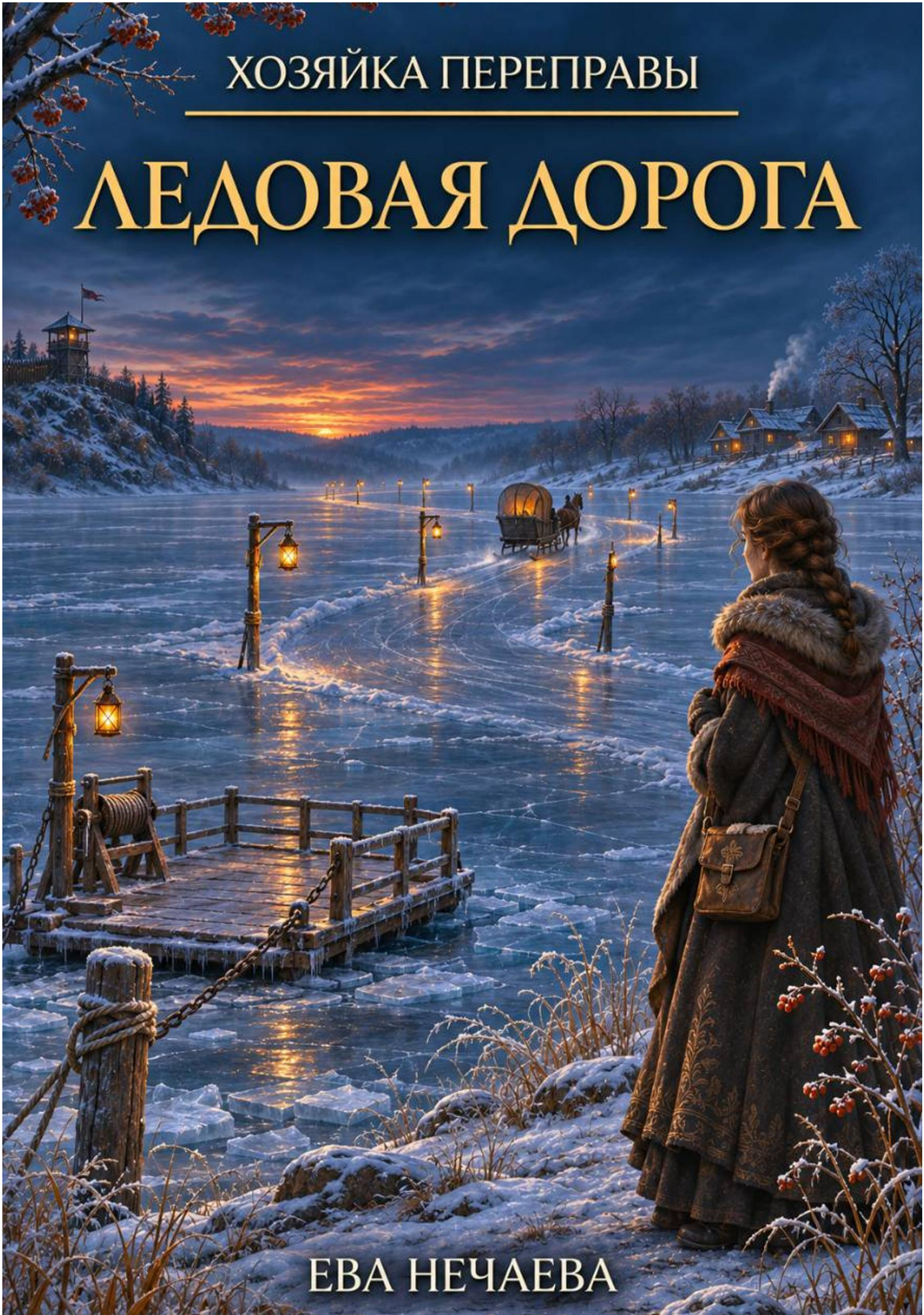
ХОЗЯЙКА ПЕРЕПРАВЫ

ЛЕДОВАЯ ДОРОГА

ЕВА НЕЧАЕВА

Ева Нечаева

Хозяйка переправы. Ледовая дорога

«Автор»
2026

Нечаева Е.

Хозяйка переправы. Ледовая дорога / Е. Нечаева — «Автор», 2026

Анна спасла переправу и удержала мир между двумя герцогствами. Зимой паром вмёрз в берег, и через Ольху пришлось проложить дорогу по льду. Едва по ней пошли первые сани, оба двора решили, что вправе ею распоряжаться.Во время торжественного переезда исчезает Аглая Веленская, невеста наследника Ордашья. На снегу находят пряжку Яна, и подозрение падает на него. Пока герцоги спорят, кому вести поиски, в Подгорье кончается хлеб. Анне нужно открыть путь для обоза и выяснить, почему следы Аглаи обрываются на целом льду.А из-под настила замёрзшего парома доносится женский голос. Он произносит слово, которого в этом мире, кроме Анны, никто не знает.

© Нечаева Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Первый день льда 5
Глава 2. Герцог на постое 8
Глава 3. Дорога, которой нет 11
Глава 4. Чужая печать 14
Глава 5. Цена спасения 17
Глава 6. Имя без человека 20
Глава 7. Невеста на льду 23
Глава 8. Два двора, одна очередь 26
Глава 9. Пустая повозка 29
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Ева Нечаева
Хозяйка переправы. Ледовая дорога

Глава 1. Первый день льда

Лёд не спрашивал, готова ли я открыть зимний маршрут. Он просто лёг от берега до берега и к рассвету собрал на себе двенадцать человек, козу и телегу с мукой.

Я увидела их из окна будки, когда Лука менял на дощечке шестёрку на семёрку. Седьмой день мира начинался без войны, зато с самовольного выпуска транспорта на линию.

— Назад! — крикнула я.

Двенадцать человек обернулись. Коза продолжила путь. Её хозяин, Федька-мельник, тянул верёвку обеими руками и делал вид, что именно так всё задумал.

Мороз держался четвёртые сутки. У берега лёд побелел и окреп, но от середины Ольхи к пристани тянулась тёмная полоса, которую ночью припорошило снегом. В прежней жизни такие места ограждали лентой и ставили знак. Здесь Федька проверил край сапогом, услышал привычный хруст и решил, что природа выдала разрешение.

— Телегу оставьте! — крикнула я. — Идите по одному!

— Да тут держит, Ирма! — ответил он. — Вон коза идёт.

Коза поставила переднее копыто на тёмную полосу.

Лёд отозвался низким звуком. Не треснул сразу — предупредил.

Я схватила бухту спасательной верёвки и побежала с пристани. За спиной хлопнула дверь. Кто-то обогнал меня на первых шагах.

Ян вышел на лёд без плаща и без знака капитана. За неделю я так и не привыкла видеть его в простой тёмной куртке. Снятое звание не изменило походку: он всё равно двигался так, словно люди обязаны освободить дорогу до того, как услышат приказ.

— Ложитесь! — крикнул он.

Федька не лёг. Он дёрнул козу к себе.

Тёмная полоса разошлась под её задними ногами. Коза провалилась с коротким обиженным блеянием, Федька шагнул к ней и ушёл в воду по пояс.

Толпа бросилась вперёд.

— Назад! — сказала я уже им. — Хотите сделать одну дыру на всех?

На этот раз послушались.

Ян лёг на живот в трёх шагах от промоины. Я бросила ему конец верёвки, второй обмотала вокруг столба у пристани и велела Луке держать вместе с Ефимом.

— Не меня, козу! — прохрипел Федька.

— Сначала того, кто платит пошлину, — сказал Ян.

Даже в ледяной воде Федька успел оскорбиться.

Ян подполз ближе и протянул петлю. Лёд под локтями потемнел. Я легла следом, удерживая верёвку выше, чтобы она не резала край. От воды пахнуло железом и сырой древесиной. Под слоем льда толщиной в ладонь шла чёрная река. Паром стоял в двадцати шагах, вмёрзший у причала, и впервые казался не живым существом, а большой бесполезной доской.

Федька попал рукой в петлю со второй попытки. Мы вытянули его на лёд и потащили к берегу. Коза решила вопрос сама: упёрлась передними копытами в край, выскочила из воды и побежала к телеге, обдав Яна брызгами.

— Умнее хозяина, — сказал Ефим с берега.

— Она не повела телегу на реку, — согласилась я.

Федьку завернули в два тулупа и унесли к Глафире. Телега осталась посреди льда вместе с мешками муки и людьми, которые теперь не хотели двигаться ни вперёд, ни назад.

Я дошла до них по собственным следам.

— По одному. Между людьми пять саженей. Телегу разгрузить, мешки перенести руками.

— До левого берега ближе, — сказал кузнец.

— Тогда по одному идите туда. Телегу всё равно не трогать.

Они разошлись цепочкой. Ян замыкал, хотя формально никто его не назначал. Я вернулась к промоине и воткнула вокруг четыре жерди. Снег уже заметал трещины, превращая ошибку Федьки в аккуратное белое место.

Лука стоял у берега с казённой книгой под мышкой.

— Мне записывать происшествие как первый случай на зимней дороге?

— Дороги нет.

Он посмотрел на следы от правого берега до левого.

— Население с вами не согласно.

Я забрала у него карандаш и на обороте старого объявления нарисовала русло. Тёмная полоса шла дугой вниз по течению. Вчера Ефим промерял лёд возле парома пешнёй: у берега четыре пальца, дальше три, у середины меньше двух. Я отметила тёмную полосу на карте. Пока не найдём обход, по ней не пойдут даже пешие.

— Нужны лунки через двадцать шагов, — сказала я. — Толщина, цвет, течение. Потом ставим вехи. Отдельно вход и выход, чтобы обозы не встречались на середине.

— Вы собираетесь составить расписание для льда? — спросил Ян.

Волосы у него намокли и застыли у виска. На правой ладони проступило красное пятно: перчатки он выбежал взять не успел, а ожог мороз любил больше, чем Ян его.

— Для людей. Лёд расписанию всё равно не подчинится.

— Обнадёживает.

Я протянула ему сухую рукавицу, которую принесла Варька. Он хотел отказаться, увидел её лицо и надел.

Ян взял у меня карандаш. Я решила, что ему не понравилась карта, но он положил карандаш на книгу Луки и накрыл мою руку своей. Пальцы у меня дрожали. На льду я этого не замечала.

— Постойте, — сказал он. — Мешки уже несут к берегу.

Когда я смогла согнуть пальцы, он вернул мне карандаш.

Варька присела возле моего рисунка и провела мелом вторую линию выше по течению. Потом поставила на ней три крестика.

— Там тоньше? — спросила я.

Она покачала головой и приложила ладонь к доске вмёрзшего парома.

Слышит.

Я опустилась рядом. Дерево было холодным, шершавым и молчаливым. После недели разговоров с ним молчание казалось неправильным. Раньше паром шептал имена, скрипел на лжи, упрямился посреди воды. Теперь река держала его за днище и не отпускала.

Варька снова коснулась карты. Три крестика. Опасность, которую она слышала под снегом.

— Проверим, — сказала я.

Ян посмотрел на девочку, затем на паром. Он уже знал достаточно, чтобы не спрашивать при Луке.

С дороги донёсся протяжный рог, требующий освободить путь заранее. На холме появились всадники. За ними двигались сани с высоким закрытым кузовом, ещё двое саней, конная стража и люди в серо-синих плащах.

Ян не повернулся сразу. Сначала снял мою рукавицу, расправил пальцы и вернул Варьке.

— Отец, — сказал он.

Герцог Борис Ордашский въехал в Подгорье без знамён. Люди узнавали власть по тому, как быстро начинали убирать с дороги собственные вещи.

Сани остановились у пристани. Герцог вышел сам. Ему было около шестидесяти; высокий, сухой, в простой меховой шапке без короны и серебра. На Яна он посмотрел один раз, как проверяют целость печати.

Потом перевёл взгляд на промоину, жерди и мой рисунок.

— Кто распоряжается берегом?

— Я.

— До сегодняшнего утра, возможно.

Лука прижал книгу к груди. Ян остался рядом со мной, но на полшага сзади — не подданный при герцоге и не защитник, которого я звала.

Борис подошёл к вмёрзшему парому и постучал каблуком по настилу.

— Григорий мёртв. Женщина, которой принадлежало право хозяйки, утонула. Договорный рейс завершён человеком, называющим себя её именем. До совместного разбирательства пристань, паром и зимний путь переходят под охрану Ордашья.

— Зимнего пути пока нет.

— Тогда начнём с того, что запретим вашим людям тонуть там, чего нет.

Он говорил без насмешки. Хуже: разумно.

— Ольха разделяет два герцогства, — вмешался Лука. — Односторонняя охрана русла может быть истолкована Веленью как занятие общей территории.

Борис посмотрел на него с уважением, которое не обещало ничего хорошего.

— Поэтому вы подготовите уведомление. А мой сын объяснит заставе новый порядок.

Ян не двинулся.

— У вас нет здесь сына на службе.

— Службу можно вернуть.

Вокруг стало тихо. Даже люди у телеги перестали перекликаться с теми, кто выгружал мешки на левом берегу.

Борис снова посмотрел на меня. Не на Ирму — это я поняла прежде, чем он заговорил.

— А вы, госпожа Анна, покажете мне документы хозяйки переправы.

Паром под моей ладонью оставался неподвижным.

Ян говорил, что назвал отцу только причину своего отказа от приказа. Моё имя в эту причину, по его словам, не входило.

На льду за спиной герцога треснула одна из оставленных телегой колей.

Глава 2. Герцог на постое

Документы хозяйки переправы хранились в жестяной коробке под моей кроватью. Там же лежали расписка Вершинина, копия описи оружия и серьга без пары, которую я не успела отдать за очередную государственную услугу.

Пока мы поднимались к дому, на крыльце уже успели навести порядок. Кто-то убрал Варькины валенки и поставил на их место герцогский дорожный сундук. Валенки я нашла под лавкой в снегу. Варька взяла их у меня, заглянула сперва в один, потом в другой. Она держала там цветные стёклышки, и из правого пропало зелёное. Мы опустились на колени и нашли его у полоза. Борис ждал внизу, пока мы возились. Никто из его людей не догадался убрать сундук.

— Он к вечеру понадобится, — сказал мне возница. — Здесь же будет постой?

— К вечеру здесь будут сушиться валенки.

Герцог кивнул вознице. Тот понёс сундук обратно. Варька вошла в дом первой.

Борис пригнулся под притолокой. Следом попытались пройти двое стражников, но коза Принцесса заняла проход и принялась жевать завязку на рукавице ближнего.

— Люди останутся снаружи, — сказал Борис.

Стражники подчинились быстрее козы.

За столом разместились он, Ян, Лука и я. Варька села на печной приступок с доской. Ефим остался у двери — официально за дровами, фактически чтобы герцог не унёс паром в кармане. Пока я доставала коробку, он подкинул в печь полешко и подвинул борисовы мокрые рукавицы подальше от открытого огня. Так же поступил бы с любым человеком, пришедшим к нам с мороза.

Борис прочёл купчую Григория, запись о праве хозяйки и акт договорного рейса. Каждый лист он клал точно поверх предыдущего. Когда потянулся за четвёртым, я прикрыла ладонью расписку Вершинина.

— Вы просили документы хозяйки. Эти три.

Он посмотрел на мою руку и вернулся к купчей.

— Бумаги подтверждают право Ирмы Григорьевны, — сказал он. — Не ваше.

— Тело вас не убеждает?

— После утопления Ирма вернулась с другой походкой, грамотностью и привычкой распоряжаться офицерами.

Я посмотрела на Яна.

— Вы сказали отцу моё имя.

— Да.

Он не стал прятаться за формулировкой. От этого было не легче.

— Что ещё?

— Что вы спасли договор. Откуда вы пришли, я сам не знаю.

До парома было сорок шагов. Здесь можно было говорить что угодно, и все это понимали.

— Значит, про походку вы сами заметили? — спросила я у Бориса. — Мы прежде встречались?

— Нет. Я повторил то, что услышал. Про офицеров можете не подтверждать, это я видел на пристани. Вы повернулись, когда я назвал вас Анной. На это свидетель у меня теперь есть.

Лука перестал макать перо в чернильницу.

— Если вы про меня, ваша светлость, то я запишу также, что госпожа обернулась, когда вы потребовали её бумаги.

— Запишите. Сам я всё равно сделал бы то же самое, если бы меня завтра назвали Лукой.

Он сказал это без досады и пододвинул писарю чернильницу. Я только теперь поняла, почему он окликнул меня там, при людях, хотя собирался говорить с глазу на глаз. Покуда я думала, сколько ему известно, он уже получил первое, что хотел узнать.

— Мой сын сообщил достаточно, чтобы я приехал лично, — продолжил Борис. — Недостаточно, чтобы отдать вам границу.

— Вы сейчас сидите у меня на кухне. В каком месте начинается граница? За порогом или за печкой?

У печки лежала сухая рубаха для Федьки. От Мельникова двора за ней прислали мальчишку, он приоткрыл дверь и отшатнулся, увидев столько важных людей. Ефим подозвал его пальцем и передал свёрток. В приоткрытую дверь было видно, что снаружи ждут ещё трое.

— Там за рубахами? — спросила я.

— За постоем, — сказал Ефим. — Солдаты по дворам солому собирают. Чья солома, тому велено сюда прийти. За распиской.

Борис поднял голову.

— Я не отдавал такого распоряжения.

— А солома уже во дворе у Глафиры. Борова из крайнего дома заодно разбудили, орёт до сих пор.

Герцог попросил впустить людей. Вошла одна женщина, остальные, видно, решили, что с них довольно крыльца. Она держала в переднике горсть сбитого снега с трухой.

— У меня из-под тёлки взяли. Новую с сеновала, говорят, самим спускать долго. Так вы хоть старую верните, у вашей лошади и у моей скотины по четыре ноги.

Он не стал объяснять ей, что солома для людей. Позвал старшего, выслушал, сколько возов взяли, и велел записать поставку на его двор с уплатой хозяйкам по цене сухой подстилки. Женщине велел привезти свежей прямо сейчас. Она ушла с тем же передником в руках. Только на крыльце вытряхнула снег и крикнула остальным, чтобы зашли расписаться к старшему. За окном заскрипел ворот у сеновала.

— Это ваша кухня, — сказал Борис. — Но когда мой солдат возьмёт у вас двор, кто вернёт его вам?

— Пока он взял солому. И люди почему-то знали, в какую кухню идти.

Лука раскрыл книгу на чистой странице.

— Право хозяйки не содержит условия о происхождении души.

Борис поднял глаза.

— Писарь, вы сейчас предлагаете внести душу в имущественный реестр?

— Я предлагаю не вносить то, чего там нет.

Варька спрыгнула с приступка, подошла к столу и написала крупно: АННА. Потом пририсовала рядом маленькую фигурку на пароме.

Борис рассматривал рисунок дольше, чем документы.

— Ты дочь Григория?

Варька кивнула.

— Эта женщина — твоя мать?

Я видела, как у неё побелел большой палец, державший мел. Подвинуть доску назад было бы так просто. Я взяла свою серьгу, продела гнутую дужку в ушко жестяной коробки и держала её там, чтобы руки были заняты.

Варька вывела под рисунком: ХОЗЯЙКА. Обвела фигурку и забрала доску с собой на печку. Ефим выдохнул у двери. Из-под льда не донеслось ни звука.

Борис вернул бумаги в коробку.

— До прибытия веленской комиссии вы сохраняете дом и пристань. Зимний путь откроется только после промера. Мои люди будут присутствовать.

— Наблюдать или командовать?

— Если дорога безопасна — наблюдать. Если нет — запрещать.

— Тогда запрещать буду я.

— Посмотрим, чьё запрещение переживёт первый обоз.

Он повернулся к Яну. У того красная полоса от верёвки осталась поперёк ладони. Борис заметил её, вынул из кармана мягкие ездовые перчатки и положил на край стола.

— Ты едешь со мной после разбирательства. Место при дворе и звание будут возвращены.

— Я не просил.

— Ты редко просишь то, что тебе необходимо.

Перчатки он оставил. Ян подождал, пока отец встанет из-за стола, и помог ему застегнуть дорожную шубу. На крыльце герцог обернулся ко мне и сообщил, что через шесть дней из Велени прибудет совместная комиссия. С ней должна была приехать Аглая Веленская, двоюродная сестра молодого герцога и невеста Мстислава Ордашского.

— Брачный договор подпишут на зимней дороге, — сказал Борис. — Оба двора хотят видеть, что путь существует.

За окном Ефим пробил первую мерную лунку. Я спустилась к нему, держа в кармане расписание приезда, которое всучил мне на крыльце герцогский человек. В графе «место для стола» значилось «середина реки». Ефим вытащил пешню из первой лунки и попросил подержать крюк. Вода поднялась до самой рукояти.

Глава 3. Дорога, которой нет

Утром я выдала четырём взрослым мужчинам шесты, верёвки и правило не спорить со льдом. Через четверть часа они спорили со мной.

— Тут короче, — сказал кузнец, указывая прямо на левый причал.

— Тут два пальца льда.

— А рядом три.

— Телега не умеет ехать рядом с собственным колесом.

Ефим наладил для промера деревянный крюк с зарубками. Он опускал его в воду боком, подцеплял лёд снизу и прижимал ноготь к верхней кромке. Наст мы перед этим сметали железной щёткой. Кузнец сам взял щётку и соскрёб рыхлый снег у спорной лунки. От третьего пальца осталась половина ногтя.

— Моей старухе об этом не говори, — попросил он. — Она с осени твердит, что по прямой не пойдёт.

Ян проверял течение по тёмной воде. Там, где струя срывала крошку с края лунки и уносила под лёд, он придерживал меня за рукав, пока Ефим не выносил вперёд пешню. Лука записывал толщину и отсчитывал шаги. Поначалу получалось, что у правого берега шаг короче, чем у левого. На третьей лунке мы поменяли его щегольские городские сапоги на Ефимовы запасные с пристёгнутыми шипами. После этого Ольха перестала сужаться у писаря под ногами.

Всего к полудню мы пробили двадцать семь лунок. Варька ходила по берегу и переставляла крестики на своей карте. На ней безопасная линия получалась короче нашей. Я поднесла доску к глазам и увидела, что нарисованная река у неё заворачивала за угол: не умещался левый берег. Варька пристукнула мелом у самого края, провела черту на торце и вручила доску мне. Длинная дуга от Подгорья к Сторожке сошлась с нашими замерами.

У пристани нас ждали владельцы телег. Их интересовал один вопрос.

— Сколько возьмёшь?

— Сегодня ничего. Сегодня никто не идёт.

— За что тогда платить потом?

Я показала на лунки, вехи и бухты верёвок.

— За то, чтобы вас нашли раньше весны.

Федька, уже сухой и злой, заявил, что лёд общий. Борисов наблюдатель Радомир стоял рядом и не вмешивался. Он оказался лекарем с серой бородой. Один из мужиков под шумок показал ему распухший палец, и Радомир, не отрываясь от разговора, снял с пальца медное кольцо, пока его ещё можно было снять.

— Хотите идти бесплатно — идите за пределами вех, — сгоряча сказала я. — Спасать вас тоже будут бесплатно, если успеют.

У Федьки за спиной стояла женщина с двумя корзинами. Она тут же переступила через лежавшую жердь и позвала сына. Я ухватила мальчишку за пояс. Женщина обернулась.

— Сама же сказала, идите.

— Сказала. Дурость сморозила. Прошу вас подождать, пока не проверим. Что в корзинах?

Она приподняла крышку, пахнуло творогом. Его ждали на левом берегу к обеду. Женщина на мои объяснения махнула рукой, взяла сына за плечи и отвела к саням, но крышку прижала локтем крепко. За день её товар промёрз бы в комки. Похоже, возле доски мне предстояло ещё не раз объяснять людям, чем занять то время, которое я у них отнимала.

Первую линию мы делали из еловых жердей через тридцать шагов. Красную тряпицу повесили на опасных местах, у поворота вкопали двойную веху. Я поставила туда Яна с прось-

бой задерживать тех, кто по привычке захочет идти прямо. Один из ордашских стражников отсалютовал и спросил, в чьё поступает распоряжение.

— Последнее место у поворота занято мной, — ответил Ян. — Если согласны, встаньте у берега.

Стражник перевёл глаза на пустое место у него на груди, где прежде был знак капитана. Потом посмотрел на берег. Там уже два человека перешагивали через шесты. Он догнал их без приказа. Ян вернулся к своей двойной жерди и целую смену махал шапкой, показывая, куда поворачивать.

Когда мы собрались пропустить первых пеших, у берега набилось столько народу, что я потеряла из виду творог. В корзины его хозяйка положила длинные палки и подняла вместе с поклажей на плечи двух мужчин. Следом за ними на лёд шагнули сразу обе семьи. Из-за плеч никто не видел конца верёвки, поперёк входа повисла тесная живая цепь. Снизу бухнуло. Я велела людям у самой пристани сойти на берег, а тем, кто успел выйти, — разойтись широко, по одному. Ничего не треснуло. Но в последней береговой лунке качалась выдавленная весом толпы вода.

— Первый пошёл, — считал Ефим. — Теперь стойте. Подождала бы ты, голубушка, он и с того конца от тебя никуда не денется.

Женщина с творогом пропустила сына вперёд и только тогда передала свою корзину. Все четверо добрались до противоположного берега. В Сторожке разглядели их ещё на подходе и вышли за товаром. На последнем отрезке Яну пришлось развернуть встречающих обратно. Я вместе с Лукой прибила у входа доску: «Пешие — по одному. Сани — после допуска. Телеги запрещены». Мы договорились закрывать вход с сумерками. У левого берега Бурый должен был положить такую же поперечину.

Перед уходом я прошла нашу дугу ещё раз. В снегу лежала отломившаяся еловая веточка с яркой смолой на срезе. Сунула её под перевязь на двойной вехе, чтобы лучше различать поворот с берега. Дома смола осталась на рукавице и пахла даже сквозь чад печной заслонки.

Ночью меня разбудил стук колёс.

На лёд вышла пустая телега Кондратова племянника. Он решил доказать, что правила придуманы для сбора денег. Перекладину положил аккуратно, вдоль дороги, чтобы назад выехать было удобнее. Первые сорок шагов прошли хорошо. На сорок первом переднее колесо продавило снежную корку над старой трещиной.

Мы с Яном выбежали с разных сторон и едва не сшиблись у пристани. Он успел захватить верёвку, я — фонарь. Телега кренилась набок. Мужчина спрыгнул с передка и провалился одной ногой. Лошадь рванула, но он всё ещё держал вожжи. Они обмотались вокруг его мокрой рукавицы.

— Брось! — крикнула я.

— Дедовы! Оборву!

Ему жалко было дедовых вожжей, а мне пришлось подползти достаточно близко, чтобы при свете фонаря разглядеть петлю на его запястье. Ян подтянул верёвку. Племянник наконец стянул застрявшую рукавицу, и мы выволокли его на твёрдое. Лошадь дрожала так, что звенели кольца на оглоблях. Кузнец увёл её налегке по собственным следам. Телегу оставили до рассвета.

— Я же по вехам ехал! — повторял мужчина. — Сам считал! На третьей жерди правил прямо.

Я подняла фонарь. У двойной вехи веточки не было. Зато она нашлась в десяти шагах ниже, на отдельной жерди. Жердь торчала в свежем рыхлом снегу. Ещё две дальше складывались с ней в прямую линию к левому берегу. В прежних гнёздах уже схватилась вода.

Ян присел возле отверстия в снегу.

— Следы свежие. Здесь один человек ходил.

— Хотел сократить дорогу?

— Или показать, что ваши вехи лгут.

Утром я собрала людей и сняла всю разметку. Федька выругался. Кузнец спросил, кто оплатит лишний день. Женщина с корзинами ещё засветло успела вернуться с левого берега. Теперь ей предстояло дневать у сестры в Подгорье: второй покупатель ждал творог к вечеру. В отличие от остальных, она даже ругаться не стала. Растянула на коленях детские чулки и принялась штопать большой палец.

— Пока каждую жердь не пометим и не назначим караул, прохода не будет, — сказала я.

Ефим вытащил из будки цепь. Я продела её сквозь скобы и повернула ключ. Кондратов племянник сидел рядом с женщиной и сушил ногу, обёрнутую тряпкой. Глядя через ограду на свою телегу, он попросил меня привязать к дедовым вожжам хоть лоскут: сверху их уже засыпало снегом.

Глава 4. Чужая печать

На следующий день Лука принёс указ с двумя пятнами воска и выражением человека, которому бумага испортила завтрак.

— Веленский наместник передаёт русло под временное управление таможни, — сказал он.

— Тебе?

— Таможне. Я стараюсь не путать учреждение с собственной персоной.

Он дал мне подержать лист за угол. Одна печать была веленская, с выщербиной у самого края. Второе пятно оставил сальный палец гонца. Красный воск с отпечатком ногтя выглядел солиднее герба. Лука придержал бумагу, чтобы я ненароком не отковырнула его.

— В таком виде получил, в таком и сдам.

У самой пристани в снегу чернели полозья ручных саней. Со вчерашнего вечера на них стояли две бочки. Хозяин обещал свезти на другой берег мочёную капусту, а теперь друг за другом вынимал мёрзлые клёпки из своей запасной бочарной сумки и прикидывал, чем залатать брюхо у первой бочки, если её распрёт. Увидев указ, он прикрыл бочки рогожей. Вероятно, представлял себе временное управление в тех же красках, что и я.

Борис прочёл указ в трактире Глафиры, где разместился его двор. Глафира выделила герцогу лучшую комнату и назначила за неё цену втрое выше обычной: своей постоялице, торговавшей кружевом, она уступила собственную кровать и теперь спала за кухонной перегородкой. При нас к ней забежала девочка из бондарного двора за пустой кадкой. Глафира сунула ей и кадку, и старый половник. Если капустный рассол сливать не торопясь, можно было уберечь обручи от мороза. Дожидаться решения двух держав бочки не собирались.

Веленский посланник уже разместился за длинным столом и требовал посадить Луку рядом с ним. В углу у печки оставалось свободное сиденье. Туда Лука и перебрался с чернильницей.

— У печи быстрее сохнет, — пояснил он посланнику. Тот отодвинул к себе солонку, стоявшую посреди стола.

— Русло принадлежит двум сторонам, — сказал Борис. — Веленский наместник распоряжается половиной.

— На льду половины не нарисованы, — ответила я.

— Нарисуют.

Лука разложил старый договор. В нём перечислялись вода, берега, паром и пристани. Льда не было.

— Зимой река не перестаёт быть рекой, — сказал Радомир.

— Но становится дорогой, — возразила я. — А дороги в договоре нет.

Посланник снял очки, протёр их рукавом и признался, что никогда зимой здесь не ездил. Летом, когда отец возил его на мельницу, посередине был столб с двумя гербами. Отчего бы и теперь не поставить такой же?

Я попросила Луку подать карту. Поставила солонку на левом берегу, пододвинула к ней перечницу с правого. Двойная веха уводила линию в сторону. Вернись к летнему столбу, и у тебя под ногами окажется место, откуда вчера доставали телегу.

— Я предлагаю поставить у столба писаря, — сказал посланник. — Ему необязательно стоять в самой колее.

— Ему ведь будут предъявлять груз? И ждать, пока примет предыдущего?

— Разумеется.

Я вытащила из хлебной корзинки три сухаря и положила у кончика пера. Ещё два не поместились и легли друг на друга. Посланник придвинул один поближе к Ордашью.

— Мы также имеем право осматривать товар, — заметил Борис. — Положите второй пост левее.

Посланник несколько мгновений серьёзно искал на листе место для другого сухаря. Потом снял их все и спросил, может ли купец подать в таможню бумаги на берегу, до выхода. Лука подтвердил, что и сейчас предпочёл бы сидеть с пером в доме. Я собрала крошки с русла.

Второй час мы спорили о том, чьё слово закроет проход, если слева видят тёмный лёд, а на правом посту видят только поданный вовремя обоз. Борис соглашался отвечать за своего человека на посту. Посланник предлагал в таком случае выдать этому человеку ключ от цепи. Я положила собственный ключ на стол. Ордашский стражник у двери хорошо его видел.

— Вчера к телеге я выбежала в одном валенке, — сказала я. — За чьим ключом идти в другой раз? Сюда? У кого спросить, в какой вы комнате?

— При непосредственной опасности остановить вправе любой смотритель, — продиктовал Борис. — Дальнейшее открытие по записи промера.

Ключ я убрала в карман. Мне оставили семь дней на устройство безопасного пути. Борис получал наблюдателя и право закрыть дорогу при нарушении промеров. Наблюдателем он оставлял Радомира. Лука отвечал за записи. Пошлину брать запретили.

— Тогда кто оплачивает верёвки и караул? — спросила Глафира.

— Хозяйка, — сказал веленский посланник.

— Правая хозяйка за левый берег тоже? Хорошо, что я держу трактир, а не мостовую.

Глафира развернула счёт за новую пеньку. Поставщик хотел серебро сейчас либо две меди сверху, если заплатят после торжества. Я прежде видела только цены на базаре, где покупали локоть-другой, чтобы бельё вешать. Здесь стояла стоимость целой бухты. И требовалась она не одна. Борис перечитал первую строчку, подозвал своего человека и велел узнать, сколько верёвки осталось у них в обозе. Через несколько минут тот вернулся с обрывком в две сажени. Остальная пошла на постромки в дороге.

— Это можете взять, — предложил Борис.

— До вчерашней промоины не хватит, ваша светлость. До вашей двери от крыльца хватит, — сказала Глафира и прижала обрывком счёт, чтобы по столу не ездил.

Уходили мы с неподписанным счётом. Мне предстояло найти деньги до утра, если я хотела выпустить хоть одни сани. Лука попросил у посланника копию указа и при мне ногтем обвёл в ней слово «пошлина».

После заседания Ян догнал Радомира у конюшни. Лекарь наклонился к рассевшейся в соломе лошади. Конюх держал перед ней ладони с овсом. Она ела с такой осторожностью, что половина зёрен успевала на ветру скатиться в снег. Радомир достал изо рта лошади клочок нитки с колючим репьём и дал ей кусок хлеба. Ян дождался, пока она его прожуёт.

— Мстислав прислал вас следить за дорогой или за мной?

Лекарь поправил ремень сумки.

— Ваш брат прислал меня следить, чтобы его невеста доехала живой.

— Для этого не нужен придворный лекарь.

— После вашей семейной переписки я бы не был столь уверен.

Ещё до того, как он ушёл, Ян подобрал горсть рассыпанного овса и поднёс к морде лошади. Она слизнула его вместе с приставшим снегом.

— Десять лет при Мстиславе, — сказал Ян. — Ордаш-на-Холме не покидает без его личного приказа.

— Значит, брат не доверяет отцу?

— У нас это считается семейной предусмотрительностью.

Вечером мы пометили новые вехи. Ефим калил на углях старый гвоздь и выжигал на каждой свой номер. Первую я ухватила голой рукой, и у меня на ладони отпечаталась чёрная единица. На самом дереве прямая чёрточка казалась царапиной от багра. Тогда Варька

добавила к номерам маленьких птиц, а Ефим перевязал каждую жердь своим узлом. На снегу хорошо различались и тёмная птица, и перевязь. Мы обошли поворот дважды: с берега казалось, что жерди почти одинаковой высоты, а с колеи маленькая заслоняла большую.

Радомир наблюдал, как Варька сверяет птиц на карте.

— Девочка слышит лёд?

— Девочка хорошо смотрит.

Он кивнул и попросил Луку открыть журнал возле записи о повороте. Прижал именную печать к воску, подул, чтобы остыло. Лука дал мне расписаться рядом. Сквозь влажную бумагу у меня под пальцами проступил на следующей странице круглый ободок. Наутро и за моей подписью, и за печатью лекаря предстояло идти одному и тому же обозу.

Глава 5. Цена спасения

Если нельзя брать деньги за пересечение границы, можно брать их за сухие сапоги.

Лука сформулировал это длиннее: «возмещение расходов на промер, обозначение безопасного коридора и содержание спасательной службы». На доске уместилось: «Вехи и верёвки — одна медь».

Борис прочёл черновую бумагу, велел заменить слово «пошлина» на «сбор» и подписал. Веленский посланник потребовал половину. Глафира спросила, принесла ли веленская половина хотя бы одну верёвку.

— У вас на левом берегу стоит человек, — добавила она. — Он ест?

— Надо полагать.

— Он ест у меня. Вчера он съел два пирога с печенью. Я на этот счёт меньше вас полагаюсь.

Посланник взял список расходов и зачеркнул в нём пироги, поскольку требовалось указать хлеб и мясо отдельно. Глафира аккуратно разделила каждый пирог вертикальной чертой и сунула лист обратно. Так Бурый впервые в жизни получил довольствие сразу от двух дворов и даже об этом не узнал.

Ефим привёз верёвку с утра в долг до закрытия пути. Бухту катили на деревянных салазках. У горки она соскочила и раскрутилась, набрав снежных репьёв. Пришлось перебирать её по всей длине, пока снег не успел налипнуть и заледенеть. Мимо прошёл Федька, посмотрел, как мы с Варькой стаскиваем рукавицами снежные валики с серой пеньки, и для порядка сказал:

— И это вот всё за наш счёт.

— Можешь помочь, — предложила я. — До другого берега руками всё равно не хватит.

Он потоптался, нагнулся за концом и без всяких обещаний донёс его до столба. Потом вынул из кармана кошель, заглянул внутрь и ушёл к кузнецу разменивать серебро.

К полудню у входа стояли две очереди: пешие и сани. Встречное движение мы развели по времени. Ефим выдавал деревянные бирки, Лука записывал груз, Бурый на левом берегу принимал прибывших. Ян ходил вдоль линии без должности и замечал всё, что упускали назначенные люди.

С первыми же бирками возник спор. В одной семье было шестеро, включая младенца под тулупом. Мать выложила на стол две монеты.

— Это за нас, а это за салазки. На них войлок, сама тяну. Вы уж проставьте где-нибудь, что уплачено за всех, чтоб моих с другого берега обратно не погнали.

— За салазки возьмёшь — с поросёнка тоже бери, — сказал мужчина за нею. — Мой вон давно сам ногами ходит. Ему, выходит, свою бирку выдавать? Я дам ему в зубы, ты потом достанешь.

— А у вас один поросёнок?

— Покуда один. Если выдавать начнёшь по два на медь, я первый за вторым приду.

Лука посмотрел на собственное объявление.

— Единица взимания не указана.

Я успела представить вечер у доски: с кем считать младенца на обратном пути, если салазки потянет отец? Сколько взять, если на середине поросёнок вырвется и пойдёт без сопровождения? За это время ползимы пройдёт.

Мы с Ефимом отмерили на дереве длину бирки и сделали засечку. Ефим ставил на бирке по зарубке за каждого и вручал её тому, кто шёл замыкающим. На том берегу Бурый сверял зарубки с числом прибывших. За конные сани брали отдельно, потому что они выходили на

лёд в другое время. Вернув женщине вторую медь за ручные салазки, я дождалась, пока она пересчитает всех детей.

— Мне к сестре, — объяснила женщина. — Обратно пойду с мужем, двое так у неё и останутся. Какую зарубку показывать?

— На обратном пути возьмёте другую бирку. Если я прицеплю вашей семье одну навсегда, старшему придётся ждать на берегу, пока вы младшего жените.

Она спрятала сдачу за щёку, чтобы освободить руки, и поправила шапку ребёнку. На сегодня мы договорились о цене, но завтра ждать у входа под одну бирку могло явиться полпосёлка родни.

— Завтра буду знать, сколько у меня двоюродных братьев, — сказал Ефим. — Я до сих пор только троих видел.

Первый обоз ждали со стороны Сторожки. На правом берегу я оставила Ефима и прошла с последними пешими на левый. Там стояли трое лёгких саней с мукой. В последнем мешке по дороге к реке протёрся угол, и мука сыпалась с полоза тонкой белой полосой. Глафира принесла грубую иглу и нитку. Возчик, ещё совсем молодой парень, подлез под край рогожи и зашил дыру, хотя руки у него дрожали.

— Дай я подержу край. Сунь руки за пазуху, успеешь согреть, — предложила я.

— Они тёплые, — сказал он. — Мамка с пристани смотрит.

Она и вправду стояла под навесом и смотрела поверх нас на ту самую дорогу, которую я этим утром разрешила открыть. По журналу всё сходилось. Обозчики уже облегчили груз, сняли с полозьев привязанные в дорогу запасные колёса, прощупали каждую подпругу. Если бы я знала наверняка, что вечером будет лучше, я попросила бы их подождать. Но к вечеру пошёл бы снег, знаки вновь пришлось бы расчищать, а в Подгорье ждали муку сегодня. Я подняла руку.

Между санями оставили по пятьдесят шагов. Лошади шли медленно, подковы обмотали мешковиной. На повороте лёд загудел. Первая лошадь подняла голову, вторая замедлилась, и парень на последних санях оглянулся на мать. Та сняла шапку и прижала к животу, хотя стоял мороз. Я видела, как её сын что-то сказал лошади. Та перестала вертеть ушами и пошла ровнее. Когда последние сани поднялись к Подгорью, люди захлопали. Я всё ещё держала руку поднятой и сообразила её опустить, только когда Ян тронул меня за локоть.

В журнале оставались пустыми графы вечернего промера и температуры. Ждать вечера я не захотела. На обратном пути я встретила Ефима у поворота. Мы вычерпали из лунок хрустящий зазубренный лёд. На деревянном крюке вышло столько же, сколько утром. Только после этого я зашла погреться.

Глафира поставила у пристани шатёр с жаровнями. За кружку горячего взвара брала медь, за место у огня — ничего. У входа сбилась корка снега, на которой посетители шатра с утра падали в очередь для пеших. Глафира послала мальчишку за золой, а сама развернула вход к коновязи. Из-за отогнутой полы теперь было видно людей и у доски, и на подходе к ней. Те, кому ждать пришлось дольше других, перестали каждые две минуты выбегать из тепла, чтобы напомнить о себе.

— Замёрзший покупатель плохо торгуется, — объяснила она.

Лука принёс ей утверждённый список цен. Она прочла и провела пальцем по его аккуратной подписи.

— Позвольте, господин писарь, тут у вас недостача. Где плата за чиновника, который занимает лучший табурет и загораживает мне вход?

— Как вы предпочли бы её получить? Я могу встать.

— Сиди уже. Под ноги подложи, у тебя подмётки промокли.

Она сунула ему под ноги сухую доску.

К вечеру сбор покрыл стоимость двух бухт верёвки. Я записала расход на доске открыто. Федька долго считал, потом внёс медь за спасение козы.

— За себя не буду, — сказал он. — Я сам вылез почти.

— В журнале оставим вашу версию.

Я сложила деньги в полотняный мешок. На одной монетке виднелся след от молотка: у кузнеца не нашлось мелочи, он подрубил старый медяк и взвесил половинки. Верёвочник без разговоров принял их обе. Квитанцию пришлось вешать в будке на гвоздь, который держал мой запасной платок. У казённой службы с самого первого дня имелись медный капитал, долговые обязательства и один чужой гвоздь.

После закрытия мы с Варькой пошли по вехам. Мороз усилился. Снег скрипел сухо, лунки затягивались тонкими крышками. Девочка дважды пробежала вперёд, проверяя, совпадают ли выжженные птицы с её рисунком. У вмёрзшего парома она остановилась, сняла варежку и положила ладонь на настил.

Я присела на доски рядом с ней. Сначала услышала течение — глухое движение под досками. Потом сквозь него проступил женский голос. Паром прежде шептал имена, а тут даже ударение было моё, родное, из тех утренних смен, когда я ещё не успевала допить чай и уже брала трубку.

«Диспетчер».

Я отдёрнула руку.

Варька смотрела на меня, приоткрыв рот.

— Ты тоже?

Она кивнула. Я поймала варежку, которая начала сползать в щель, и помогла Варьке натянуть её на голые пальцы. Ещё долго мы сидели на корточках, прижавшись плечами друг к другу. С того берега доносился стук о полоз, закрывали последний склад. Под нашими ногами журчала вода.

Глава 6. Имя без человека

Утром я закрыла паром для всех, кроме Ефима, Варьки и Яна.

— Он и так никуда не идёт, — заметил Ефим.

— Теперь официально.

Нас задержал старик, который с осени привык на коротком пути к проруби пересекать угол настила. Он принёс пустые вёдра и стал ждать у верёвки. Я показала ему тропку вдоль причала. Он прошёл по ней до первого столба, постучал коромыслом в обледеневшую скобу и вернулся. Коромысло там и вправду не проходило. Я взяла одно ведро, он второе, и мы сходили за водой в обход, держа ношу в одной руке. Когда вернулись, Ефим уже перенёс верёвку так, чтобы никто не лез ни на паром, ни под скобу.

— До обеда успеете свой паром послушать? — спросил старик. — Вечером корова у меня пьёт дважды.

— Успеем, — пообещала я.

Спросить, почему это он решил, что нам надо паром слушать, я не решилась. Ефим сам, проводив его глазами, постучал по скобе.

— Я лет тридцать при нём всё здесь стучу да слушаю. Закрою полберега — любой догадается, чем занимаюсь.

Мы отскребли снег с настила. Ефим простучал доски, проверил железо и лёг на живот, прижав ухо к дереву.

— Вода шумит.

— Она сказала слово.

— Вода?

— Женщина.

Ефим сел и снял шапку. Шутить он перестал.

Я рассказала про «диспетчера». Хуже всего было произнести это слово громко, нормальным голосом. Здесь в нём появлялось лишнее шипение. За моей спиной Ян попробовал выговорить его по слогам, как чужое имя. Варька, которой подобное занятие могло бы понравиться, занялась раструбом моей рукавицы. Из подкладки у меня торчала нитка. Она взяла её зубами и аккуратно оборвала.

— Вас так звали? — спросил Ефим.

— На работе. Настоящего имени могли и не знать. Один голос сообщал, что у него на линии встал автобус, другой требовал прислать ему смену. Слово одно и то же для всех, кто дежурил.

— И вчера вы её узнали?

Я покачала головой. Если бы тот голос заговорил при свете дня прямо рядом со мной, среди людей, я могла бы пройти мимо. Из-подо льда он заставил меня вслушаться. Ян стоял у ворота и смотрел на Варьку.

— Вы уверены, что это не воспоминание? — спросил он.

— Моё или её?

— Это и пытаюсь понять.

Я старалась вспомнить, объясняла ли прежде Варьке, чем зарабатывала на жизнь, и какими словами. Выходило плохо. Дома столько говоришь при ребёнке, когда считаешь, что он занят пуговицей или разглядывает крошки в миске. Ефим, кажется, хотел попросить её нарисовать, что она услышала, но девочка сама спрятала мел в карман. Он подал ей другой конец своего пояса: не хватало длины, чтобы свеситься с борта, а привязывать себя к скобе он считал занятием для старых дураков. Варька привязала сама.

Сначала мы проверили дерево. Я осталась наверху, Ефим спустился на уступ, с которого по открытой воде смолил борт. Он надавливал на каждую доску снаружи, пока я стояла на ней и слушала. В двух местах отозвались нагели. Звук был такой обыкновенный, что за минуту я соскучилась по нему как по родному. Мы повторили опыт в обратном порядке. На том месте, где Варька вчера подвернула варежку под ладонь, дерево отсырело. Я соскребла ногтем тонкую плёнку льда, и проступило тёмное волокно. Таким оно бывало и летом после дождя.

Потом по одному становились на середину настила, говорили правду и ложь. Ян произнёс, что не знает моего прошлого. Дерево молчало. Я сказала, что родилась Ирмой Григорьевной. Скрипа не было.

— Может, ему всё равно, кто кем родился, — сказал Ефим. — Отойди-ка.

Он сунул в свой карман медный гвоздь, положил ладонь на настил и объявил, что гвоздь взяла Варька. Та мигом повернула карман наружу, и гвоздь покатился за борт. Мы молча смотрели, как маленькая медная точка скользит по льду. Изо всех способов установить, кто украл корабельное имущество, этот оказался самым дорогим.

— Лёд глушит паром, — решил Ефим. — Или меняет. Бывает, завернёшься с головой и сквозь сон чужое имя скажешь. Вот мне и думается: дерево-то спит не одно.

— А как его разбудить?

— Будил бы охотно, кабы знал, кому рядом с ним сны снятся.

Варька написала на доске: ОНА?

Я знала, кого она имеет в виду.

— Не знаю.

Под моими ногами был край той самой доски, на которой когда-то стояла Ирма, и вытерта она была знакомо, на ширину моей пятки. Можно было прожить до весны, каждое утро ставя ногу в готовое углубление. Я ни разу не задумалась, в какую сторону смотрела Ирма, когда здесь стояла. Может, на берег, где возилась её дочка, или вниз, на воду. Мне легче было помнить чужие долги и места, где лежат запасные ключи. Я опустила Варьке на плечо руку. Она подержала мою ладонь в своей, потом выбралась из-под неё и взяла у Ефима пешню. Медный гвоздь всё-таки представлял ценность: девочка хотела поддеть его на льду.

Ян дождался, пока Ефим уведёт Варьку за инструментом подлиннее.

— Отцу не говорите.

— Почему?

— Он превратит голос в основание для ареста парома.

— Паром уже арестован льдом.

— Отец способен оформить это лучше.

Я посмотрела на него.

— Вы рассказали ему моё имя.

— Он спросил, почему я отказался от приказа. Я ответил, что хозяйку зовут Анной.

— А когда я спросила, что вы ему сообщили?

— Сказал, что назвал причину отказа.

— Очень удобный у вас вышел ответ. Вот стоим оба на пароме, и скрипеть ему было бы совершенно не о чем.

Ян держался за рукоять ворота голой рукой. В щели чернела старая смазка, у него на пальце уже отпечаталась жирная полоса. Я достала тряпку. Сначала он решил, что я собираюсь вытереть рукоять, и убрал руку. Тогда я сама взяла его за запястье и стёрла пятно. Ожог под большим пальцем зажил неровно, кожа была горячая.

— Я имел право рассказать, почему отказался. Называть вас не требовалось, — сказал он.

Он не просил решить за него, заслужил ли прощение. Я провела тряпкой по его ладони ещё раз и сложила её испачканной стороной внутрь.

— Когда в другой раз спросят, что вы здесь услышали, дайте мне ответить самой.

— Даже если меня спросят без вас?

— Скажите, что я отвечу, если захочу. К вашему отцу я сама приду, если решу ему рассказать.

Он кивнул. Я охотно отправила бы его этим утром восвояси вместе с условными обещаниями его отца, а когда он отнял руку, мне стало холодно. Я попросила его остаться.

Вернулись Ефим с Варькой. Они добыли гвоздь, приморозив его к мокрой тряпочке на конце весла. Гвоздь я завязала в тряпку тугим узлом и отдала девочке. Ефим на такую награду за спасение собственного имущества махнул рукой.

— Голос остаётся между нами четырьмя, — сказала я.

— Согласен, — ответил Ян.

Варька обвела пальцем каждого из нас и кивнула. Ефим убрал верёвку с прохода. Со стороны дороги донеслись колокольчики. Старик снова шёл к проруби с вёдрами. Услышав звон, он поспешил прижаться к забору.

На первых санях развевался бело-зелёный флаг Велени. За ними шла крытая повозка, обитая синим сукном. У дверцы сидела женщина в светлом мехе и смотрела на вехи так внимательно, как другие смотрят на встречающих. За нею, ногами прямо на дорожном сундуке, сидела другая, помоложе. Она держала на коленях пару сухих сапог.

Я вынула из будки журнал. В расписании до приезда совместной комиссии оставался целый день. Пока я вела пальцем по знакомым строчкам, первые сани свернули к пристани. Аглая Веленская уже приехала.

Глава 7. Невеста на льду

Аглая отказалась выходить на пристань, пока не увидит журнал промеров.

Степан Лют, её управляющий, счёл просьбу недостойной будущей герцогини. Он застегнул шубу под самое горло, одёрнул обшлаг. За пуговицу зацепилась синяя шерстинка.

— Её светлость пересечёт реку в повозке, — сказал он.

— Повозки пока запрещены.

— На том берегу ждёт жених.

— До завтрашнего промера придётся пешком.

Аглая выглянула из-за плеча управляющего.

— Я пройду пешком.

Она прочла записи о толщине, спросила, почему линия изгибается, и не притворилась, что поняла после первого объяснения. Я показала тёмные участки, интервалы и спасательные посты.

— Значит, путь меняется каждый день?

— Иногда дважды.

— А церемонию назначили на одно место.

Она положила рядом с журналом разлинованный лист. В графе «прибытие на левый берег» уже стояло время, хотя мы ещё не сошли с приступка.

— Сколько нужно на переход? — спросила она.

— Вам или тому, кто заполнял?

— Мне. У Неды после дороги отекла нога.

Камеристка покраснела и принялась уверять нас, что пробежит в этих сапогах до самой столицы. Аглая развязала ей тесёмку под коленом. При их дворе, вероятно, полагалось делать наоборот: один из веленцев немедленно занял собой дверной проём и заслонил обеих от свиты.

— Пойдём в её шаг, — решила я. — Если станет больно, скажите. У второго поста можно сесть на сани, только вещи придётся оставить.

Неда посмотрела на маленький потёртый ларец, который держала под мышкой. Я ждала обычного «за это головой отвечаю». Она молча передала ларец вознице, а ключик оставила у себя на шее.

Первыми пошли мы с Аглаей и Недой. Двое стражников держались поодаль. Лют остался у входа спорить с Лукой о багаже. Ян наблюдал с левого берега.

Мальчишка со второго поста сделал ей такой низкий поклон, что уронил рукавицу. Аглая подняла её раньше Неды. Мальчишка не решился сразу надеть рукавицу, сунул за пояс и до самого нашего ухода подавал сигналы голой рукой.

— Я ему помешала? — спросила Аглая, когда он остался позади.

— В следующий раз просто кивните. Он проверяет, видят ли его с берега, а теперь смотрит вам вслед.

На следующем повороте она кивнула и обошлась без слов. Увидела и то, чего не заметили оба стражника: Неда прихрамывала уже на каждом шагу.

— Посидим у поста, — сказала я.

Прежде чем присесть, Неда тщательно вытерла рукавом место рядом с собой. Я села на край саней, Аглая осталась стоять между нами, возле вехи.

— Ваш писарь принимает частные письма?

— Принимает. Для себя или для пересылки?

— Мне нужно отправить одно без дворовой почты.

— Передайте сами.

Она повернулась к писарскому столу на берегу. Там уже никого не было. Лют догнал нас, тяжело дыша.

— Ваша светлость, останавливаться нельзя.

— Госпожа Анна только что объяснила, что нельзя собираться вместе. Отойдите на пять саженей.

Лют отошёл и остановился у самых полозьев. Дальше его никто отсылать не стал.

У левого выхода Аглаю встретил Ян, а не Мстислав. Жених задержался в столице. Она молча сняла муфту и отдала Неде, хотя та уже держала обе пары рукавиц.

— Вы получили от брата письмо или он передал на словах? — спросила она.

— Мне не писал. Отец сообщил.

Её свиту разместили в Сторожке, а саму Аглаю Борис пригласил в большой дом заставы. Приглашение звучало почётно и оставляло ей ровно один возможный ответ.

— Я сначала осмотрю место будущей церемонии, — сказала она.

Лют напомнил, что осмотр назначен на завтра, и показал план: шатёр, два двора, стол для подписей и прямая линия через лёд. Ни одной промерной точки.

— Здесь дорога не проходит, — сказала я.

— К торжеству её выпрямят.

— Лёд не знает, что у вас торжество.

Аглая забрала план и сложила лист так, что оба берега совпали.

— Кто утверждал расположение?

— Канцелярии обоих дворов.

— Без человека, который измеряет лёд?

— Церемониальные вопросы не входят в обязанности перевозчицы.

— Тогда поставьте стол на берегу. Я подойду к нему, когда хозяйка скажет, что можно.

Она говорила мягко, и Люту приходилось каждый раз решать, прозвучало ли возражение.

В Сторожке Аглая попросила горячей воды и место, где можно снять мокрые сапоги. Ей предложили комнату Яна. Он отдал ключ и пошёл ночевать к Бурому.

— Капитан уступает помещение невесте брата, — заметила Аглая. — При дворе это назвали бы красивым жестом.

— Я больше не капитан.

— А вещи ваши куда? Неда, погоди стелить, дай человеку забрать рубахи.

Пока Неда распаковывала сундук, Аглая попросила меня остаться. Достала три листа: расписание остановок, перечень приданого и список лиц, которым разрешалось читать её почту. В последнем было имя Люта. Имени Аглаи — не было.

— Формально письма принадлежат двору, даже если написаны моей рукой.

— Поэтому вы спросили о Луке.

— Ваш писарь выглядит человеком, который боится бумаги достаточно, чтобы обращаться с ней честно.

— Он способен зарегистрировать собственный испуг в двух экземплярах.

Аглая улыбнулась.

— Мне сказали, вы за месяц заставили два герцогства соблюдать очередь.

— Последний раз сегодня пробовали всей свитой выйти. Не могу сказать, что уже привыкли.

— Хотела бы я иметь такого союзника.

— В чём?

Неда перестала складывать платья. Аглая перевела взгляд на план.

— В выборе места для шатра.

За стеной Бурый с Яном перетаскивали лавку. Мы дождались, пока ножки перестанут скрести по полу, и расстелили лист на освободившемся подоконнике. Я показала, откуда будет

сходить с дороги народ. Шатёр на плане стоял входом к реке. Пока Аглая будет подходить к столу, причётникам, музыкантам и людям с ковром придётся пятиться по нашему спуску.

— Ковёр нам прислали с матерью десять лет назад, — сказала Аглая. — Он такой тяжёлый, что его носят вчетвером. Если его положить внизу, они там и останутся ждать, когда унесут обратно.

Она постучала по листу и велела Неде принести ножницы. Я решила, будет срезать угол. Аглая вырезала из расписания пустой клочок шириной в два пальца, поставила его на сгиб, как ставят домик из карт, и передвинула на площадку у коновязи.

— А если вход сюда?

— Здесь можно подойти и со льда, и со двора. Только лестница узкая, по одному.

— Тем лучше. За спиной никто не встанет.

Она проделала в бумажном шатре дверь ногтем. Лют вошёл без стука и объявил, что Борис ждёт Аглаю. Увидев вырезанное расписание, подобрал со стола клочок и невольно расправил его ладонью. Аглая надела муфту, а я осталась со сложенным планом и дыркой там, где полагалось стоять музыкантам.

У коновязи оказалось теснее, чем на бумаге. Кучера успели поставить там двое саней с сундуками. Мы с Бурым отмерили от лестницы ширину свободного прохода и положили поперёк пустых козел, чтобы к утру место опять не заняли. Один из возчиков, пожилой, с обвязанной щекой, показал, как будет заводить лошадь в потёмках. Оглобля задела меня за спину, хотя я стояла на честно отмеренной земле. Козлы передвинули ещё на шаг.

К ужину я заглянула в трактир. У Лукиного стола сидели два веленских секретаря. Один чинил перо, другой ловил стружку в ладонь, и каждому были видны дверь и лоток для писем. Лука вынул из лотка листок от своей сестры, сложенный вчетверо. Секретарь постарше уступил ему место у свечи. Лука поблагодарил и, так и не развернув листка, положил его в карман. Теперь я могла ответить Аглае точнее, чем на льду. Оставалось сыскать минуту, когда она услышит ответ одна.

Я села у кухни развязать шнурки на мокром сапоге. Лют подошёл и поставил рядом чашку, которой я не заказывала.

— О чём её светлость спрашивала вас на реке?

— Как там уместится шатёр. Пришлось наново мерить от коновязи.

— Я спрашиваю про второй пост. Ещё до того, как вы показали ей мой план.

Он стоял у задних саней, когда мы сели передохнуть. Услышать наши слова оттуда было трудно. Зато видел он нас хорошо.

— У Неды нога болела. Можете спросить у неё, где мы присели.

Лют оставил чашку на столе. За дверью он спросил у трактирной девчонки, с кем я сидела на кухне. Девчонка перечислила повариху, трёх солеваров, двух солдат и кошку. Список он дослушал до конца.

Глава 8. Два двора, одна очередь

Комиссия привезла шесть чиновников, девять сундуков и ни одного человека, готового ждать своей очереди.

Ордашские требовали пропустить военные сани первыми. Веленцы заявляли, что дорога начинается на их земле. За ними стояли торговцы с рыбой, мукой и железом, которым было всё равно, чья печать замёрзнет раньше.

Я разделила движение на окна: груз, пешие, служебные сани. Борис появился у цепи в тот момент, когда его обозу досталась бирка номер двенадцать.

До него номер семь получил рыбак с двумя корзинами, восьмой — веленский гонец, девятый — ордашские сани с дровами. Десять и одиннадцать достались пустым саням, которые оба двора записали государственной необходимостью.

— Пустота тоже бывает срочной, — объяснил квартирмейстер.

— Ставьте к дровам. Позовём.

Комиссия потребовала отдельный вход в трактир, отдельный стол и право не платить за обогрев. Глафира согласилась только на стол. Боковой вход на зиму заколотили.

Аглая сидела у окна. Лют раскрывал перед ней только страницы для подписи. Один лист она придержала пальцем и отогнула угол предыдущего. Лют потянул на себя всю стопку, и бумага надорвалась у самой руки Аглаи. Разглаживать край пришлось Неде.

В грузовое окно веленцы объявили девять сундуков личной кладью, а ордашцы — четырнадцать лошадей сопровождением герцога. На лёд собирались одновременно выйти тридцать семь человек.

— По шесть. Лошадей вести отдельно. Сундуки взвесить.

— Там государственные бумаги, — возмутился Савелий Тихий.

— Печати можете прикрыть. Мне нужен вес.

Первый сундук весил как взрослый мужчина. Под бумагами лежали серебряные чаши и походный подсвечник. После этого чиновники согласились на весы, но потребовали ширму. Мы поставили ширму. Сундуки взвешивали за ней, а Лука мелом выводил цифры на крышках. Когда подошёл кухонный короб веленцев, грузчик прочёл цифру и сел прямо на него. Оказалось, утром он уже брался поднять этот короб один и теперь не мог разогнуться. Хозяину не признался, надеялся проходиться.

Рядом ждала торговка с корзиной сушёной рыбы. Она сунула грузчику под спину свёрнутую попону. Сыну велела отвести его в трактир, а сама, уперев руки в бока, смотрела, как я брала людей с другого конца очереди.

— Ты мне скажи, вернётся мой малый, пока его номер вызывают? Там лёд, я одна с корзиной не пройду.

Мы выдали одну бирку на двоих и отложили её на край стола. Мальчик вернулся. Лука к тому времени успел пропустить корзину в журнале и теперь ломал голову, как вписать её обратно между двумя строчками.

— Вон поля какие, — показала ему торговка. — Я и с рыбой помещусь.

Лука записал её на полях. Следом туда попросились ещё пятеро: двоим предстояло напоить лошадей, остальные хотели успеть поесть. Я подцепила шнур к стойке и велела вешать туда номера тех, кто отошёл. Часовой Бориса помогал мне натягивать шнур и придерживал стойку, пока я возилась с узлом. Когда подошёл герцог, часовой первым делом спрятал испачканные мелом руки за спину.

От рыбы уже натекло под лавку. Солевары торопились до снегопада. Я сняла одно служебное окно и отдала грузу.

— Вы изменили утверждённый порядок, — сказал Савелий.

— Его утверждала я утром.

— Теперь здесь комиссия.

— Тогда пошлите за всеми шестерыми. Рыба пока пойдёт вперёд.

Аглая велела пропустить груз. Савелий подчинился ей лишь после взгляда Люта. Я запомнила порядок.

— Вы предлагаете мне ждать? — спросил Борис. Он посмотрел через моё плечо. На изгибе ещё шли люди с рыбой.

— Минут десять. Нам с берега машут, что вышли не все.

— Мои легко пройдут вдоль обочины.

— Туда и ушёл человек с рыбой. Отсюда хорошо видна только пустая корзина у него за спиной.

Ян стоял рядом с отцом. Борис приказал снять цепь. Ян ответил:

— Проход закрыт до выхода встречного обоза.

— Это приказ.

— У меня нет службы, чтобы его исполнить.

Борис подождал. Двенадцать минут, которые весь двор старательно не замечал.

Он не потребовал стула и не грелся в санях. Стоял у самого шнура. Оттого все, кто мог бы воспользоваться ожиданием и зайти в тепло, тоже остались на ветру. Квартирмейстер держал захваченную для герцога подушку, к концу ожидания на бархате наросли белые иголочки.

Когда его номер назвали, Борис остановился возле меня.

— Кто хранит остальные номера на ночь?

— Варька. Она их делает у нас на кухне, со стружками уже спускает к цепи.

— У вас в доме. Я так и скажу, если у меня спросят, кто на Ольхе разрешает проезд.

Он пошёл дальше. У часового в выходной книге значились двенадцать саней и ни одной подписи. Меня до сих пор это вполне устраивало.

На левом берегу он отвёл Яна к сторожке. Я не слышала начала разговора, но конец происходил у окна.

— Мстиславу нужен человек, которому он может доверить границу, — сказал Борис. — Ты получишь полк после свадьбы. Капитанское звание я тебе верну. Останешься при брате. Я назову тебя сыном перед двором.

— Моё место вас устраивало, пока я выполнял тайный приказ.

— Меня устраивала твоя способность закончить начатое.

— Я закончил. Паром успел сделать договорный рейс.

— Назовите, кто будет отдавать приказы в Подгорье, — сказал Ян. — Я или ваш квартирмейстер?

— За припасы отвечает квартирмейстер. За людей будешь отвечать ты. Жалованье пойдёт со дня назначения. Твои речники смогут проситься к тебе переводом, если захотят.

При слове «речники» Ян отошёл от окна. Я видела только его затылок. Он проводил пальцем по подоконнику, снимая с доски длинную стружку.

— И Бурый?

— Я уже сказал. Кто захочет.

Теперь Ян понимал подробности. В эту службу он мог войти со своими людьми и поставить на опасный участок тех, кого знал в деле. Борис подвинул к нему чернильницу. Стружка обломилась у Яна в руке.

— Прошу сутки на ответ.

— До завтрашнего перехода, — согласился Борис. — Больше задерживать назначение я не могу.

Я успела отойти от окна до того, как они вышли.

Позже я нашла Яна во дворе Бурого. Он колол дрова; второе полено поставил слишком резко.

— Полк после свадьбы — это много?

— Достаточно, чтобы не спрашивать у капитана разрешения.

— И недостаточно, чтобы не спрашивать у герцога.

— Так устроена служба.

— Вы по ней скучаете?

Он опустил топор.

— Я умею командовать. Здесь это считается недостатком, пока не ломается лёд.

— Здесь вы командуете без жалованья и права на ошибку.

— Именно.

Я вспомнила подоконник, с которого он ободрал стружку, пока решалась участь Бурого. Если Ян скажет «да», Бурому предложат собрать своих речников. Что скажу я тем, кто наутро после свадьбы отнесёт мне свою спасательную верёвку и попросит расчёта?

— Мстислав доверяет вам?

— Моей способности делать то, чего не хочет делать сам.

— Семейное распределение обязанностей.

— Если соглашусь, дорогу передадут под мою охрану. Это защитит вас от комиссии.

— Или комиссию от меня.

— И это.

Он отряхнул щепу с рукава и забрал из-под топора полено. На нём осталась зарубка. Я повернула его другой стороной, Ян всё-таки расколол, и мы вместе отнесли дрова к двери.

Вечером Ян пришёл к будке проверять журнал. Он трижды перечитал одну строку.

— Хотите уехать? — спросила я.

— Хочу перестать зависеть от того, нужен ли я здесь без звания.

Всю прошлую неделю я видела, как его зовут то тут, то там: разобрать сбрую, принять караул, поискать рукавицы.

— Здесь вы нужны.

— Как кто?

Я могла назвать десять функций и ни одной роли, которую имела право ему назначить.

— Решать вам.

Он закрыл журнал.

Пряжка на его рукаве зацепилась за шов моей юбки, когда он потянулся за плащом. Я высвободила нитку. Ян ждал, опустив руку, и я могла бы отпустить её сразу. Вместо этого я застегнула пряжку до конца. Под пальцами ещё держалось тепло от его запястья.

Я чуть не сказала, что могу сама попросить Бориса оставить его здесь. Уговорить герцога было бы проще, чем прямо сказать Яну, почему мне хотелось, чтобы он остался.

— Отец предлагает мне выбирать, пока я согласен остаться при брате, — сказал Ян.

Варька вошла с охапкой новых бирок. На одной нарисовала Яна со знаком, на другой — без него. Положила обе перед ним.

Он перевернул первую. На обороте было написано: УЕДЕШЬ? Девочка ткнула в вопросительный знак. Он съехал почти на самый край, и она боялась, что Ян пропустит его под большим пальцем.

Ян не ответил. Взял вторую, без знака, и положил в карман.

Я вернула ей первую бирку. Варька подышала на неё, стёрла рукавицей неудачный вопросительный знак и унесла к себе. Наутро Аглая должна была торжественно пересечь дорогу. К тому часу Борис ждал ответа.

Глава 9. Пустая повозка

Пурга началась после первого сигнала.

У въезда ещё лежали охапки еловых лап, которыми собирались украсить повозку. Кучер отказался везти их под ногами, и всякий, кому требовалось пройти к писарскому столу, перешагивал через ельник. Лука проверил список трижды. Веленцы поставили зелёные флажки поверх наших синих меток. Ордашцы выставили солдат у каждого поворота, хотя половина не знала, почему дорога поворачивает.

Аглая вышла в дорожном плаще. Пальцы правой руки были перевязаны.

— Что случилось?

— Защемила палец сундуком.

Неда опустила глаза. Лют ответил раньше неё:

— Лекарь уже осмотрел.

На сапогах Радомира засохла соль крупными серыми пятнами, хотя из лагеря он пришёл по чистому снегу.

Аглая коснулась моего рукава.

— Письмо у вас?

— Какое?

Она оглянулась через плечо. Лют стоял близко.

— После перехода, — сказала она.

Неда прикрепила к вехе три синие нитки. Лют приказал снять: церемониальные цвета были белым и зелёным. Неда подчинилась, но нитки спрятала в рукав.

Снег шёл поперёк дороги и стирал дальние вехи. Над Ольхой ещё держалось светлое пятно, в нём были видны люди на первом повороте. Дальше различались только шесты. Я предложила отложить переход. Лют показал мне приказ с двумя печатями.

— Церемонию назначили до полудня. Если мы ещё задержимся, обе очереди выйдут на дорогу разом. Что прикажете делать с теми, кто ждёт на другом берегу?

— На другом берегу мои люди, — сказал Борис. — Им передадут, чтобы ждали. Этот ветер с утра. Пока не усиливается.

Радомир придержал рукой край Нединого капюшона, чтобы её не хлестнуло снежной крупой. У самого въезда я подняла руку. Дозорный на повороте поднял свою, помахал, а потом для верности ещё и подпрыгнул. В журнал я вписала: «Первый пост виден». Для выхода на дорогу хватало. Теперь, когда печать Люта лежала у меня перед носом, я с особенным усердием проверяла, есть ли у меня право выпустить людей. Раньше я бы подождала и посмотрела, сколько продержится просвет.

Аглая ехала в крытой повозке с Недой. Впереди шли двое проводников, за ней — охрана. Между частями обоза держали интервалы.

Я назначила человека на каждом повороте. Ян остался у левого выхода рядом с Борисом. Они не говорили, но расстояние между ними выглядело частью церемонии.

Первая группа прошла. У третьих саней лопнул ремень, строй задержался. Лют догнал меня возле повозки Аглаи.

— Пускайте нас вперёд. Пока меняют ремень, сто раз успеем объехать.

— Там, где вы хотите объезжать, вчера стояла вода. Велите кучеру придержать лошадь.

Он вынул из нагрудного кармана приказ и принялся разворачивать. Бумага гнулась на ветру.

— Обряд назначен до полудня.

— Сходите к передним саням, там нужна ещё пара рук.

Аглая отдёрнула полог.

— Исполняйте правила дороги, господин Лют.

Это были последние слова, которые я услышала от неё до исчезновения.

Ремень связали. Третьи сани двинулись, кучер Аглаи взял поводья. Я шла следом. Мне надо было оставить у дальнего поста новый моток бечевы, и я несла его через плечо. Мимо меня торопился ордашский солдат. Он открывал рот, пытался что-то сказать, но меховой воротник лез в зубы. Пришлось придержать его за локоть.

— Наши с той стороны идут встречать. Им туда можно?

— Передай, чтобы остались у берега.

Он повернул. Я успела увидеть его спину, потом и она пропала. Ветер поднял с дороги лежалый снег. Никого в двух шагах я не различала. Ещё слышно было, как о дугу бьётся колокольчик повозки. Потом и он замолчал.

— Стоять! — крикнула я.

Передний проводник остановился. Задняя охрана продолжила движение и едва не врезалась в повозку, которая стояла боком между вехами.

Дверца была открыта. Внутри лежала Неда, без сознания, с кровью у виска. Аглаи не было.

Пустое место рядом с ней я сперва ощупала рукой. Никак не могла поверить глазам: на синем сиденье осталась круглая вмятина, на приступке налип снег, совсем свежий, белыми комочками. Я заглянула за спинку, хотя там и кошке негде было повернуться. Потом присела возле Неды. Кровь стекала ей за ухо. Неда дышала мелко и всё ещё держала петлю полога левой рукой.

— Аглая! — позвала я. И ещё раз, изо всех сил.

Кто-то далеко впереди крикнул в ответ. На миг я поверила, что это она. Из снега вышел проводник, который просто повторял за мной имя, чтобы оно дошло до передних.

Радомир отогнул край Нединого капюшона. Я освободила её пальцы из петли по одному и накрыла ладонь своей рукавицей: вторую камеристка потеряла. Кто-то протянул мне собственную. Я так и не успела посмотреть, кто.

Ян появился со стороны левого берега, помог лекарю переложить Неду на плащ и осмотрел полозья.

— Полоз цел. За повозкой смотрели?

— Следов вообще нет, — сказал Лют.

Снег заметал всё за минуты, но возле дверцы сохранились две неглубокие вмятины. Маленькие каблуки, с ними половинки подошв. Чуть дальше темнели следующие. Цепочка вела на север и обрывалась через семь шагов. Мы разгребли рыхлый снег дальше: под тонкой пылью блестел гладкий белый лёд. Я провела рукавицей вокруг последнего следа. Ни пролома, ни осколков. Два последних следа мы сразу прикрыли пустым ящиком из-под фонарей.

Бурый нашёл металлическую пряжку под задним полозом. Протёр рукавицей и показал герб Ордашья.

Ян наклонился к руке Бурого, чтобы как следует разглядеть герб.

— У меня была такая.

— Что значит «была»? — спросил Лют. — Она сама с пояса не спрыгнет.

— Такие пряжки получали капитаны речной стражи. Я свою сдал, когда меня отстранили. Запись в оружейной должны были сохранить.

— В какой оружейной? — спросил Борис: он только что подошёл с охраной и видел в руках Бурого тёмный кусочек железа.

— Здесь, в Сторожке.

— Из оружейной до реки пять минут пешком, — сказал Лют. — Прошу задержать господина Ордаша.

— От имени Велени присоединяюсь, — отозвался Савелий. В снежном месиве он наступил мне на ногу и так и стоял, пока я не дёрнула его за воротник.

Бурый попросил у Луки чистый лист и завернул пряжку, подогнув углы, чтобы не выпала. Досталось ему от обоих дворов: одним хотелось лично подержать находку, другим — унести её к своим до того, как о ней узнают в лагере. Лука заставил спорщиков поставить подписи поперёк сгиба. На ветру это оказалось занятием как раз для четырёх рук. Борис не отдал приказ, но поставил вокруг Яна четверых людей.

В повозку садиться больше никто не хотел. Кучер сел на облучок один и всю оставшуюся дорогу поминутно оглядывался на дверь. Мы довели обоз до правого берега. Дорогу закрыли цепями с обеих сторон. Неда не приходила в сознание.

Закрытие пришлось объяснять двум торговым колоннам и сорока людям без постоя. Хлеб оставался виден на другом берегу, но перевезти его было нельзя. Глафира вынесла котёл похлёбки. Веленские и ордашские солдаты сначала отказались есть рядом, а через час ели из одного котла, стоя с разных сторон.

Лука переписал всех, кто находился на льду. В списке оказался лишний охранник.

— Один из задней группы переходил вперёд, — объяснил Лют. — Его могли сосчитать дважды. Вы спросите лучше, где ордашские начальники. Им виднее, кого присылали.

— Вы показывали ему место в строю? — спросила я. — Назовите имя, зачеркивать без имени я не дам.

— Госпожа Анна, я третий день в Подгорье. Лица ваших стражников ещё различаю, а по именам не назову и половины своих.

Ян оставался под надзором. Предложение о полке больше никто не упоминал.

Я вернулась к месту исчезновения с Варькой. Девочка легла на снег и прижала ухо ко льду. Потом нарисовала два одинаковых следа и один сапог.

Я попробовала выспросить, где второй. Варька отодвинула мою руку от рисунка и обвела первый ещё раз. Бурый принёс дощатый щит, которым Глафира накрывала кадку. Сменили им хлипкий ящик. Два крайних отпечатка уцелели. Кто их оставил, я понять не сумела.

У поста я оставила человека при щите и обещала к ужину прислать смену. Оглянулась ещё раз: фонарь у него под тулупом давал красноватое пятно на снегу. В этом пятне ещё можно было разобрать наши собственные следы. Дальше, до самой тёмной полосы камыша на берегу, я не сумела найти ни одного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.